

Ю.М. КАГАН

О СТАРЫХ БУМАГАХ
ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА
(М.М.Бахтин и М.И.Каган)

С тех пор, как в начале 1960-х г.г. в русской культуре вновь возникло имя М.М. Бахтина, а его работы вскоре стали одними из основополагающих в целом ряде областей гуманитарного знания, внимательных читателей, естественно, интересует вопрос, на какой почве появились в 20-е г.г. идеи Бахтина, каково было его место в тогдашней науке, были ли у него последователи или единомышленники.

Ответить на это нелегко. Друзей ранней молодости Бахтина нет в живых, архивы большинства из них погибли; кажется, нет материалов, связанных с этим, и в личном архиве Бахтина. В то же время его работы 20-х г.г. стоят настолько особняком в тогдашней науке, что автора их невозможно отнести к какой-нибудь из известных нам литературоведческих "школ".

И, может быть, поэтому в последнее время все чаще приходится слышать о существовании в 20-е г.г. некоей "школы Бахтина". К ней причисляют В.Н. Волошинова, П.Н. Медведева, Л.В. Пумпянского. Иногда двух первых называют еще "учениками" Бахтина.

Думаю, что правильнее говорить не о "школе", а об определенном круге философствовавших и живших общими духовными интересами людей. Надеюсь, что публикуемые здесь материалы помогут точнее очертить этот круг и покажут, что люди, в общении с которыми формировался Бахтин, были ему близки, в первую очередь, потому, что идеи, известные нам сейчас из его книг, волновали некогда, в конце 1910-х — начале 1920-х г.г., не только его одного.

Круг этот сложился в первые послереволюционные годы в Невеле и Витебске. Тогда в России появилось много провинциальных культурных гнезд с чрезвычайно интенсивной духовной жизнью. В 1918 г. в Невеле жили только что окончивший Петроградский университет М.М. Бахтин, поэт и музыкoved Валентин Николаевич Волошинов (ок.1894-1936), философ, а впоследствии литературовед Лев Васильевич Пумпянский (1891-1940), будущая знаменитая пианистка Мария Вениаминовна Юдина (1899-1970), поэт-импровизатор Борис Михайлович Зубакин (1894-1937)¹. Одни из них были родом из Невеля или близких к нему мест (Юдина, Волошинов, Зубакин), другие приехали сюда в надежде на более сносные, чем в Петрограде, условия жизни (Бахтин, Пумпянский). Сюда же, в Невель, весной или летом 1918 г. вернулся из Германии, где он в течение нескольких лет изучал философию, Матвей Исаевич Каган (1889-1937). К этому времени он был убежденным неокантианцем, прошедшим школу Германа Когена, доктором Марбургского университета, автором двух опубликованных в немецких философских журналах статей и подготовленной к печати (тоже на немецком языке) большой книги по философии истории. Вокруг Бахтина, Пумпянского и Кагана складывается кружок, а вернее, домашний философский семинар, состоявший частью из людей, здесь перечисленных, частью из тех, кто нам, к сожалению, неизвестен. 1

© "Память. Исторический сборник". Вып. 4. Париж, 1981

© Изменения, дополнения. "Диалог. Карнавал. Хронотоп", 1992

памяти современников сохранилось и название — “кантовский семинар”. Участники читали здесь доклады, обсуждали писавшиеся ими научные труды. Из написанного ими в те годы почти ничего не опубликовано. Исключение составляют две статьи Кагана (КАК ВОЗМОЖНА ИСТОРИЯ. ГЕРМАН КОГЕН)³ и одна Бахтина (ИСКУССТВО И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ)⁴. Несколько статей Кагана, написанных и задуманных в тот же период, к счастью, сохранились в семейном архиве (О ЛИЧНОСТИ В СОЦИОЛОГИИ; О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАВДЕ; СЮЖЕТ; О СКУЛЬПТУРЕ; О ХОДЕ ИСТОРИИ). Самое простое ознакомление с этими работами Кагана и сопоставление их с книгами и статьями Бахтина 20-х гг. убеждает в том, что в направлении размышлений обоих ученых было немало общего (то же касается и ранних работ Пумпянского⁵). Это общее, мы думаем, было в значительной степени выработано в невельском кружке, в дружеских чаепитиях и “разговорах до утра” (о них вспоминает Волошинов в приводимом ниже письме Кагану).

Захваченные общим подъемом, в надежде на благую, спасительную роль просвещения, друзья не только занимались философией, но и активно участвовали в культурной жизни Невеля: читали доклады и лекции, руководили кружками для молодежи по философии и эстетике, участвовали в публичных диспутах⁶.

Невельский семинар, их “Марбург”, в своем первоначальном виде просуществовал недолго. Уже в 1918 уехала в Петроград (доучиваться в консерватории) Юдина; видимо, в начале 1919 переехал в Витебск, где были большие возможности для устройства на работу, Пумпянский; вскоре туда же отправился Волошинов. В том же 1919 вначале в Витебск, а оттуда в Смоленск (в Археологический институт) перебрался Зубакин. Зимой 1919-20 г.г. в Невеле оставались, кажется, только Бахтин и Каган (оба в это время преподавали в невельских школах).

Осенью 1920 г. Каган был приглашен преподавать в Еврейский университет в Петроград. Прочитав там небольшой курс, он переехал в Орел, где в только что открывшемся университете начал читать “Введение в философию”. К этому и немного более позднему времени относятся публикуемые письма к нему Бахтина. Из них видно, что оба очень хотели работать и жить вместе, старались это осуществить, но соединению их в одном городе помешало вначале закрытие в 1921 г. Орловского университета, а затем невозможность для Бахтина устроиться в Москве.

Осенью 1920 Бахтин переехал из Невеля в Витебск. Здесь вокруг него сложился уже несколько иной кружок. Кроме Пумпянского и Волошина, в него вошли преподававший тогда в Витебском пролетарском университете критик и литературовед Павел Николаевич Медведев (1892-1938) и ученик Пумпянского по философскому кружку при консерватории будущий известный музыкoved Иван Иванович Соллертинский (1902-1944). Постепенно все они перебрались в Петроград: в конце 1920 г. Пумпянский, в 1921 — Соллертинский, кажется, в следующем году Медведев и Волошинов. Несмотря на переезд, связь между членами кружка не прерывалась: они или переписывались, или — если жили в одном городе — встречались. В Петрограде к кружку присоединились биолог, а в будущем историк науки Иван Иванович Кана-

ев (1893-1983), и востоковед Михаил Израилевич Тубянский (1893-1943). В середине 1920-х в кружке бывал писатель Константин Константинович Вагинов (1899-1934), изобразивший некоторых его членов в романе КОЗЛИНАЯ ПЕСНЬ.

Возобновился "кантовский семинар", видимо, в начале 1925, после переезда в Ленинград Бахтина, и прекратил свое существование лишь в 1928, в связи с массовыми арестами ленинградской интеллигенции.

Несколько иначе, в стороне от невельских друзей, жил в эти годы Каган. Случилось это, в первую очередь, потому, что из Орла в 1921 г. он уехал не в Петроград, а в Москву (в Петрограде он жил несколько месяцев весной 1923 г., когда читал лекции в Институте высших еврейских знаний), и вся дальнейшая его жизнь была связана с Москвой. В 1922-24 он служил в разных учреждениях Наркомпроса, кроме этого преподавал математику и столярное дело в детской еврейской колонии (детском доме) в Малаховке. Значительную роль в его жизни в эти годы играла Российская Академия Художественных Наук (РАХН, позднее — ГАХН), действительным членом которой Каган был избран в феврале 1922 г.⁸

Работа в ГАХН, равно как и другие места, где довелось работать в 1922-24 г.г. Кагану, не давали, однако, никаких — или почти никаких — средств к существованию. С этим, а также с постепенно укрепившимся у Кагана стремлением активно участвовать в жизни страны, в ее строительстве, связано его переключение на совершенно новый для него род деятельности. (В одной из своих статей того времени он писал: "Мы ответственны за все культурное наследство истории. Задача историческая в том, что мир вовсе еще не готов, что все дело в созидании его, в очищении себя работой над ним".) В 1924 г. он поступает на службу в ВСНХ и с этого времени постепенно отдаляется от круга старых друзей, начав заниматься экономикой, а позднее — изучением энергетических ресурсов страны⁹. К середине 1930-х г.г. Каган уже известный специалист по этой теме, составитель и редактор Атласа энергетических ресурсов СССР.

В 1936 г. в его жизни наметился поворот. Несмотря на отсутствие досуга и друзей-единомышленников (Каган жил очень замкнуто, и его кругом была семья: жена и дочь), он все-таки продолжал обдумывать те вопросы, которые его волновали издавна: писал работу о Пушкине и — снова и снова — о философии истории. Когда же летом 1936 и 1937 годов Бахтин был в Москве и они встретились, то оказалось, что, несмотря на 15 лет, которые прошли со временем их тесного общения и потребности друг в друге, многое они понимали одинаково, направление мыслей у обоих осталось прежним. Под влиянием встречи с Бахтиным Каган принимает решение оставить службу в Энергетическом институте АН СССР и перейти на более близкую ему по духу работу. 1937 г. менее всего благоприятствовал такой перемене. Каган определенно знал, что работать по энергетическим ресурсам он больше не будет. Не знал, что будет потом. Вокруг шли аресты; он был уверен, что такая же участь постигнет и его. Покоя не было и быть не могло. 26 декабря 1937 года он скончался в возрасте 48 лет от грудной жабы. Из невельских друзей на похоронах были приехавший для этого в Москву, "нарушив паспортный режим", М.М. Бахтин и М.В. Юдина.

В своих заметках К ФИЛОСОФСКИМ ОСНОВАМ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК Бахтин когда-то писал: "Роль памяти в этом вечном преображении прошлого. Познание — понимание прошлого в его незавершенности (в его несовпадении с самим собою). Момент бесстраствия в познании. (...) Корреспондирующий момент смирения познающего..."¹⁰

Пусть эти его слова и послужат предварением для ознакомления с нижеследующими материалами.

I. АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ М.И. КАГАНА¹¹

Родился я в Псковской губернии в селе Пятницком в 1889 году, хотя по метрической записи я значусь родившимся в г. Невель Витебской губернии в 1888 г. В Псковской губернии, вне черты еврейской оседлости не могло быть и речи о регистрации моего появления на свет. Спустя некоторое время меня внесли в книгу записей родившихся в Невеле 5 ноября 1888 г., потому что как раз на этой странице оказалось свободное место.

Детство я провел в Невеле, где поселились мои родители¹², когда мне шел второй год. Первые определенные воспоминания у меня начинаются с трех лет: совершается обычный в еврейской семье обряд первой стрижки волос мальчика. До этой поры воспоминания мои смутны и отрывочны. В синагоге я бывал с самого раннего детства, но с трех лет помню свою определенную связь с синагогой, не только с той, где трижды в день — утром, вечером и после заката молятся, но, главным образом, с той, где днем мальчики — от 5 до 16 лет — учатся у раби — еврейского учителя еврейским знаниям. Настойчивое мое желание стать школьником исполняется, и трех лет от роду я становлюсь хедерником. Школа находится в синагоге за домом моих родителей. Занятия идут с 8-9 часов утра до 7-8 часов вечера. Большую часть времени младшие дети играют, никто из взрослых играми не руководит. Лучшее время для нас, школьников, — сумерки, время между предвечерней и послезакатной молитвой, когда дети, собравшись в одном из углов синагоги, рассказывали друг другу не то страшные сказки, не то какие-то жуткие поэмы. Не помню ни одного, кто не умел бы рассказывать. Рассказы всегда слушались с напряженным вниманием. Учитель наш и взрослые вообще никакого отношения к этим собраниям детей в углу синагоги под книжными полками не имели. Взрослые в это время в другом углу были заняты изучением того или иного теологического трактата.

Первые чрезвычайные представления о внешней природе связаны у меня с большим Невельским озером и лесами за городом, хотя при воспоминании о родном городе передо мной встают широкие поля между лесом и озером.

Чувство связи с людьми ощущал я во время смерти младшего моего брата Самуила. Мне было тогда около 7 лет, ему около 5. После этого помню себя уже в другой еврейской школе, уже не в синагоге, а в частной школе на квартире учителя-меламеда. Обстановка тяжелая, крайняя бедность. На улицах встречаюсь с христианскими детьми, которые говорят по-русски. Я их не понимаю. Отношусь к ним с жалостью, так

как слыхал, что они не знают библейских рассказов и не происходят от тех героев-предков, которые есть у еврейских детей. Общее, что объединяет нас — еврейских мальчиков с русскими детьми — это сила, физическая сила. Частые драки. Но вскоре начинаются и общие игры, главным образом, бабки и городки. Первое русское слово, врезавшееся в мою память — это слово “убью”, произнесенное с ужасным возбуждением русским мальчиком, проигравшим мне партию в бабки. Слова этого я не знал, но тон меня так перепугал, что я поспешил убежать и скрыться в хедере. Там я и узнал, что значило это страшное слово.

С того дня и началось у меня изучение русской грамоты. На еврейских книгах еврейские названия книг повторялись русскими вокабулатами. Через несколько дней я читал не только эти слова, русское произношение которых меня очень смешило, но и “дозволено цензуро” и другие русские надписи на еврейских книгах. “Дозволено цензуро” я почему-то читал с неправильным ударением — “дозволено цензуру”. Эти слова для меня долгое время оставались чрезвычайно таинственными.

На девятом году жизни я неплохо говорил по-русски, читал и писал. Тогда же я, хотя и против желания родителей, поступил во 2-й класс народного училища (русская школа для еврейских детей). Прочувившись там год, перешел во 2-ое отделение Шестигодичного Городского Училища, где еврейских детей было меньшинство. Одновременно ходил в ремесленный класс этого училища — столярно-токарное отделение. Хедер при этом не бросал до 1904 г. В 1905 году окончил Городское училище и ремесленный класс. Учился неплохо. С 1904 года вошел в ученическую группу РСДРП. Вскоре после окончания Училища был арестован на собрании сходки Невельской организации РСДРП и оставался под арестом до амнистии 18 октября 1905 года. Арестовали меня в ночь перед предполагавшимся моим отъездом в Одессу, где я хотел поступить в Школу Живописи общества Изаиных искусств — интерес к живописи у меня появился приблизительно в 1903 году..

В январе 1906 года уехал в Смоленск, где учился и работал как пропагандист Смоленского Комитета РСДРП до 1908 г. В 1909 г. сдал экзамены на аттестат зрелости при Испытательной Комиссии Петербургского Учебного Округа.

Пробуждение философских интересов должен я отнести к 1905 г. Первые философские книги, которые я прочитал, были марксистские. Сильное влияние тогда оказали “Очерки реалистического мировоззрения”, работы Луначарского, частично народники: Михайловский, Лавров. В 1907 г. я решил поступить на философский факультет какого-нибудь немецкого университета. С 1907 г. я к систематическим занятиям живописью уже никогда не возвращался.

Получив аттестат зрелости, я уехал в Германию для получения философского образования. Сначала поступил на философский факультет Лейпцигского университета. Пробыл там 6 семестров. Работал в это время также у искусствоведа Шмарзова. Затем 2 семестра был студентом Берлинского университета, откуда поехал в Марбург сдавать докторский экзамен. К концу пятого семестра моего пребывания в Лейпциге во время работы над моей диссертацией, посвященной истории и систематике проблемы трансцендентальной апперцепции от Декарта до Канта, я все более и более приближался к концепции Марбур-

тской школы. Из Лейпцига я и поехал бы прямо в Марбург, но Герман Коген к тому времени перебрался в Берлин, где он у себя на дому и в Lehranstalt für Wissenschaft des Judenthums вел философские занятия. В Берлине же находился тогда и Кассирер. Поэтому я решил пробыть два семестра в Берлине, откуда с законченной диссертацией отправился в Марбург к П. Наторпу. Там я был студентом всего один семестр¹³.

Окончив университет, я хотел на некоторое время поехать в Италию, но поездка не состоялась, потому что началась война.

На второй день после объявления войны меня арестовали как подданного страны, воюющей с Германией. Под арестом пробыл около двух месяцев. В это время написал свою первую после диссертации работу "Versuch einer systematischen Beurteilung d. Religion", которая при содействии Пауля Наторпа была опубликована в "Archiv für systematische Philosophie" в Берлине¹⁴. Статья эта делала попытку философского осмысливания проблемы войны.

Обострившийся у меня в это время интерес к философии истории сделался с тех пор основным моим научным интересом вообще. Все вопросы, возникавшие у меня, будь то вопросы логики, эстетики и др.— включаются с той поры мною в единую философскую проблему исторического бытия¹⁵. Поскольку я в состоянии это проследить в памяти, самостоятельный интерес к философии истории у меня возник году в 1907-ом.

В Германии я пробыл до 1918 года. К концу первого года войны по хлопотам Наторпа, Когена и Кассирера мне разрешили переехать жить из Марбурга в Берлин. В Берлине Г. Коген обещал мне получение работы, которая давала бы мне средства к жизни. К сожалению¹⁶, работа эта оказалась не нейтрального характера. Я от нее отказался. На почве моего отказа от нее возник разрыв в отношениях с Г. Когеном, назвавшим меня врагом. Отношения наши с Германом Когеном остались натянутыми до Октябрьского переворота в России, когда вопрос о патриотизме как у меня, так и у Когена принял иное направление. Небезынтересно будет заметить, что Г. Коген принял начало Октябрьской революции за исполнение пророчества: "И будет в конце веков...". К сожалению, здесь не место рассказывать об отношении Когена к революции. Я вспоминаю здесь эти беседы об Октябрьской революции, чтобы рассказать, как в беседах с Г. Когеном я тогда высказывался, что в России надо ждать коммунизма.

Во время Брестских переговоров на основании соглашения об обмене пленными я получил возможность вернуться в Россию.

Все, что делалось тогда в России, меня ужаснуло, и я все более и более уходил вправо. Обратный поворот стал намечаться у меня два года назад. Вполне осмысленное приятие совершившейся революции как возмездия я должен отнести к началу лета 1924 года.

Все внутренние мотивы моего отношения к миру и историческим событиям выражены в моих научных работах, которые я здесь назову. Это "О личности в социологии", "Как возможна история", "О ходе истории", "Два устремления искусства" (доклад, читанный в Философском отделении РАХН), "О художественной правде" (доклад, там же), "О Промысле" (доклад, читанный в Философском обществе при Петербургском университете), "Проблема исторического бытия" и другие доклады в Вольной Академии Духовной Культуры, курс лекций

по истории философии в Орловском государственном университете, статьи "О проблеме скульптуры", "О живом смысле искусства", курс лекций по Библейской мифологии, читанный в Петербургском университете и частично во Дворце искусств в Москве, курс лекций по Введению в эстетику, читанный в Петербургском университете живого слова и др. Главной своей работой считаю большое исследование "Философия истории". Последний год работаю над осмысливанием творчества Пушкина, а также, в связи со службой в ВСНХ, работаю над проблемами экономического характера.

II. ПИСЬМА М.М. БАХТИНА М.И. КАГАНУ

1

Дорогой Матвей Исаевич, получил Вашу открытку и посылаю Вам свою автобиографию, написанную вкратце¹⁸. У меня опять беда: ввиду осложнения после тифа сделалось воспаление костного мозга в правой ноге, пришлось перенести операцию и теперь я лежу в госпитале; придется пролежать, вероятно, еще недельки две¹⁸. В Витебске мне страшно не везет, я почти все время провожу в кровати, очень хочется отсюда уехать поскорее. Постарайтесь, голубчик, сделать для меня все что можно в Орле и напишите подробнее о ходе дела и об условиях Орловской жизни. Как Ваши занятия и вообще Ваши дела? Над чем Вы теперь работаете? В последнее время я работаю почти исключительно по эстетике словесного творчества. Надеюсь, что скоро побеседуем лично¹⁹. Простите, что пишу мало, карандашом, неразборчиво, но лежа писать очень трудно. Целую Вас

Ваш М. Бахтин
20 февраля 1921 г.

2

(март 1921)

Дорогой Матвей Исаевич, приехал Редемайстер²⁰ и привез мне Ваше письмо и бумагу из Университета. Большое спасибо Вам за Ваши хлопоты.

К сожалению, я не могу немедленно приехать, придется несколько задержаться, так как болезнь ноги затянулась; я, правда, уже встал с постели, но передвигаюсь с трудом, и рана еще не зажила. Приехать я смогу только недели через две-три, но во всяком случае, не позже 10 апреля.

Сообщите, дорогой Матвей Исаевич, о моей задержке Университету. Я думаю, что мое запоздание дела не расстроит?

Напишите мне также, что точно понимает Орловский Университет под "кафедрой истории русского языка"? Обычно при русских Университетах существовала кафедра славянской филологии, обнимавшей целый круг тесно связанных между собой предметов (так, читать историю русского языка без предварительного курса по церковно-славянскому языку едва ли целесообразно). Сообщите также, читается ли

при Орловск(ом) Университете курс по общему языкоznанию и по истории русской литературы? Мне это полезно знать до моего отъезда, так как я могу подобрать здесь соответствующие книги и материалы. С Витебском я пока не порываю и беру только командировку на две недели.

Как идут Ваши занятия?

Когда собираетесь приехать в Москву?

Дорогой Матвей Исаевич, напишите мне немедленно по получении этого письма: не повредит ли делу моя задержка? Приеду я непременно не позже 10 апр(еля). Страшно досадно, что нога не позволяет мне выехать немедленно. Перед отъездом я, конечно, напишу Вам точно о дне выезда. Волошинов, Медведев и Алексеевские кланяются Вам.

Еще раз глубокая благодарность за сделанное Вами для меня.

*Целую Вас крепко
Ваш М. Бахтин.
Письма и открытки я
получил все.*

3

(март 1921)

Дорогой Матвей Исаевич, только что была у меня Гуревич и ознакомила меня с Вашим последним письмом к ней. Страшно жаль, что в Орле Вам не удалось создать подходящих условий для работы! Но, может быть, дело еще поправимо. Мне не совсем ясно, что произошло у Вас с Орловским Университетом и почему положение Ваше стало там вдруг так плохо. Вообще, мне кажется, что вы слишком требовательны к русскому провинциальному Университету. Конечно, Орловский Университет — авантюра, это ясно было с самого начала и не могло быть иначе; но, уверяю Вас, что авантюризм по существу являются все без исключения русские провинциальные Университеты, и это совершенно неизбежно, ибо настоящих академиков в России не хватает и на столичные Университеты, в провинциальных же сидели в прежнее время чиновники с “гражданскими”, но отнюдь не научными заслугами, которым до науки было не больше дела, чем орловскому Конраду²², но были они даже зловредны и нетерпимы. Нечто похожее на академическую среду можно было найти только в столицах, но теперь и там ее нет. Так же печально дело обстоит и с аудиторией; если Вам удалось составить хотя бы маленький кружок основательных слушателей, то большого в России при современных условиях и желать нельзя. Лев Васильевич уже полгода в Петрограде, но не нашел даже такой аудитории, какая была у него в Витебске. К сожалению, приходится признаться, что в России Вам еще долго придется быть одиноким, и встретить Вы будете в лучшем случае уважение и очень мало понимания и сочувствия, ведь у нас, как это ни дико, и под “философией” понимают нечто весьма мало похожее на то, что понимаете Вы, и не только в среде обывателей, а и присяжных наших философов²³. Но, конечно, такое положение вещей в России должно рано или поздно измениться и, я надеюсь, не без Вашего участия, но пока приходится быть терпеливым. Мне кажется, милый Матвей Исаевич, что Вам ни в коем слу-

чае не следует пока порывать с Орловским Университетом, ибо надеяться на что-либо лучшее в другом месте трудно. Что Орловский Университет — авантюра,— с этим приходится мириться; где Вы вообще найдете теперь что-либо в России, что не было бы отчасти авантюрией? Увы, и нам приходится становиться немного авантюристами. Что же делать, если иначе нельзя действовать? Будем начинать с авантюры, чтобы затем превратить ее в нечто более солидное и основательное. Это постепенное превращение и преобразование авантюры безусловно возможно. Уже тем, что вы ведете курс в Орловском Университете, этот Университет уже несколько больше сплошной авантюры; а в дальнейшем и вся физиономия его может совершенно измениться. Гораздо хуже, что против Вас лично ведутся интриги (если Вы не преувеличиваете дела), но я думаю, что и с ними можно справиться, если их игнорировать и не сдаваться. Было бы хорошо, если Вы немедленно по получению сего письма известили меня подробно о положении вещей в Орле, а также о той особой причине, по которой мне не следует приезжать в Орел, о которой вы так глухо упоминаете в письме к Гуревичу, не поясняя, в чем собственно дело.

Я полагаю, что мне во всяком случае следовало бы приехать недели на две в Орел до Пасхи; может быть, вдвоем мы сумеем устроиться значительно лучше, чем порознь. Мой проект приблизительно таков: около 10-го апр/еля/ приехать в Орел, чтобы ознакомиться с местными условиями и возможностями, а главное для того, чтобы продать имущество, которое осталось в Орле²⁴, это должно дать значительную сумму, которая временно обеспечит мою семью и развязывает мне руки; на обратном пути из Орла в Витебск я намерен заскать в Смоленск, чтобы и там нащупать почву. Я думаю, что из Орла мы могли бы выехать вместе и вместе посетить Смоленск, где Борис Михайлович заранее подготовит нам возможность прочесть лекции. Может быть, окажется выгодным устроиться в Смоленске, а в Орле быть наездами, а может быть и наоборот. В Москву и Петроград так рано ехать еще не имеет смысла, туда можно будет проехаться летом, но мне кажется, что и в этом году устроиться в столицах окончательно будет еще трудно. Итак, милый Матвей Исаевич, мой Вам совет,— поскольку, конечно, я могу советовать, не зная точно всего,— пока не порывать с Орловским Университетом, это всегда успеете сделать, но, может быть, удастся улучшить положение и в Орле. Право, вдвоем мы будем сильнее, да и материально сможем устроиться лучше.

Я во всяком случае не буду выезжать из Орла до получения от Вас подробного и обстоятельного ответа на это мое письмо²⁵.

Это письмо привезет Вам Редсмейстер, который завтра едет; ему, кажется, в Орле понравилось, хотя лично с ним я не беседовал, так как до сих пор еще не выхожу из дома из-за ноги.

Теперь я, пользуясь невольным досугом, много работаю, особенно по эстетике и по психологии²⁶; очень хотел бы побеседовать с Вами; надеюсь, что это скоро удастся.

Что касается до книги, то я знаю в Орле несколько весьма недурных частных библиотек; если я приеду, мы сможем ими воспользоваться.

Кстати, как ведет себя в Орле Мурзаев²⁷ и пользуется ли он успехом? Это показательно для Орла; в Витебске он, оказалось, совершенно провалился, по-видимому, то же было и в Смоленске.

Итак, жду Вашего ответного письма.
Валентин/ Николаевич²⁸, Медведевы и Алексеевские Вам кланяются.

Целую Вас крепко.
Ваш М. Бахтин.

4

Дорогой Матвей Исаевич, получил сегодня Ваше письмо и спешу Вам ответить. Простите, что до сих пор Вам не писал, но положение мое со здоровьем и со свадьбой было все время так неопределенно, что нечего было написать и я со дня на день откладывал. Теперь я совершенно здоров, приступил к занятиям, через две недели предполагаю уехать в деревню²⁹. Дорогой Матвей Исаевич, Вы непременно должны быть на свадьбе³⁰. Свадьба будет 10-го июля, так что Вы сможете быть между Москвой и Орлом³⁰. Непременно приезжайте, без Вас свадьбы не будет.

В случае, если свадьба почему-либо не состоится, то мы отложим ее до 20 июля (впрочем, это по многим соображениям неудобно) и Вас известим немедленно.

Как Ваши дела в Москве? Я уверен, милый Матвей Исаевич, что зимой мы будем вместе или в Москве или в Витебске (в смысле заработка здесь будет очень хорошо Вам). Пока всего хорошего, до скорого свидания.

Целую Вас
М. Бахтин.

28.VI/1921/

Приписка рукой Е.А. Околович-Бахтина:

“Дорогой Матвей Исаевич! не обижайтесь, ради Бога, за мое молчание. Я Вам не написала сейчас же по получении Вашего письма, но Миша просил не отсылать его и каждый день собирался приписать от себя к моему письму. Следствием этого явилось то, что это письмо до сих пор все еще лежит у него на столе. Миша в этом отношении еще хуже меня. О свадьбе Миша уже Вам сообщил, кажется, я только могу прибавить от себя, что будет очень горько и для меня, Матвей Исаевич, если Вы не приедете. Говорю искренно и серьезно. Я, кажется, и раньше говорила Вам, что люблю Вас больше всех друзей Миши, теперь повторяю это еще раз. Приезжайте, приезжайте! Е.Околович.”

5*

Дорогой Матвей Исаевич, простите, что так долго Вам не писал, но дело в том, что я теперь нахожусь в 30 верстах от Полоцка и писем отправлять отсюда нельзя (сообщение лошадьми). Завтра я еду в Полоцк для чтения лекции и оттуда отправлю это письмо.

Я пишу Вам по Вашему невельскому адресу, но я не знаю точно, где Вы теперь находитесь.

Я чрезвычайно благодарен Вам за Ваши хлопоты для меня в Москве, к сожалению, эту зиму, пожалуй, опять придется провести в Витебске. Однако осенью я непременно думаю побывать в Москве и, по воз-

* Письмо публикуется впервые

можности, в Петрограде. Было бы хорошо, если бы мы поехали туда вместе. В деревне я пробуду еще недельки две, а затем возвращаюсь в Витебск, к этому времени приехали бы и Вы в Витебск; я думаю, что это было бы очень хорошо, если бы и Вы на эту зиму обосновались бы в Витебске. Как я уже писал Вам, в последнее время здесь были великолепные заработка, ведется разрешение частных семинаров. Сейчас же по возвращению в Витебск я Вам напишу. Вы мне пишите по моему старому витебскому адресу.

*Целую вас
Ваш М. Бахтин.*

6

Дорогой Матвей Исаевич, я только что вернулся из деревни и напшел Ваше письмо от 10-го сентября; спешу на него ответить.

Ваш проект представляется мне чрезвычайно целесообразным, но решающий момент для всякого проекта — насколько благоприятна почва для его выполнения — мне совершенно неясен, конечно, как неясен вообще общий тон и характер всего академического Центра. Теперь дело, вероятно, уже выяснилось, и я буду ждать от Вас подробных сведений³¹.

В Витебске я пока еще ни с кем не видался и не говорил, и не знаю, как обстоят здесь дела, но во всяком случае мне не хотелось бы здесь зимовать, тем более, что в Москве, как говорят, условия жизни стали легче, чем в Витебске. Я буду ждать от Вас письма, дорогой Матвей Исаевич, с указаниями, когда выгоднее выехать (пока, конечно, не время) в Москву³².

Было бы хорошо, если бы какое-нибудь московское учреждение (может быть, Академический/ Центр) вызвало меня для каких-нибудь переговоров: это облегчило бы мне получение здесь бесплатного проезда. Вас, дорогой Матвей Исаевич, мы вспоминали на свадьбе и Вашу просьбу исполнили, мы все время помним и думаем о Вас, как о самом близком нам человеке. Наша мечта с Еленой Александровной — жить с Вами не только в одном городе, но и под одной кровлей. Может быть, это исполнится?

Мы отлично поправились в деревне, отдохнули, набрались сил. Проезжая через Полоцк, мы застали там Бориса Михайловича, он приезжал туда читать лекции. Он в ужасном состоянии: совершенно неприлично одет, исхудал и похож на ненормального. Действительно, было бы хорошо его устроить. Его адрес: Смоленск, Энгельгардовская ул., дом Лапинского (губ. Архив), Московский Археологический Институт, Смоленское Отделение, Зубакину.

Дорогой Матвей Исаевич, может быть, если в Москве не удастся устроиться, то не лучше ли Вам переехать в Витебск, а отсюда наезжать в Москву³³. Этого очень хочется и Ел. Ал., которая немного боится Москвы. Здесь Вы смогли бы хорошо устроиться материально. Обо всем

этом подумайте. Итак, буду ждать Вашего письма, недели на две все-таки хочу приехать в Москву.

*До скорого свидания.
Целую Вас крепко
М. Бахтин
30.XI.21 г.*

7

Дорогой Матвей Исаевич, простите, что не писал Вам так долго, но поверьте, что не от невнимания и равнодушия, никто мне так не близок и не дорог, как Вы, и никого я не желал бы так увидеть, как Вас; но мое положение все время так глупо неопределенно, что трудно и нечего писать о себе, пока оно не определилось. Сейчас же по приезде из деревни я заболел и лежу уже более месяца, только теперь уже оправляюсь, правда, еще не встал, но на днях встаю. Ближайшим образом я, конечно, не смогу поехать ни в Петроград, ни в Москву, может быть, на праздники это удастся сделать.

Как вы устроились в Москве? Вообще, что там делается, представляются ли какие-нибудь возможности солидной работы? Во время болезни мне трудно было работать, но еще в деревне я начал работу, которую теперь намерен продолжить — “Субъект нравственности и субъект права”³⁴. Этой работе я надеюсь в ближайшем времени придать окончательную и завершенную форму, она послужит введением в мою нравственную философию. Но для окончания работы мне совершенно необходима этика Когена. Если бы Вы могли, дорогой Матвей Исаевич, достать ее каким-нибудь образом в Москве и выслать мне хотя бы на самый короткий срок, я был бы Вам несказанно благодарен. Может быть, можно было и “KANT BEGRUNDUNG d. ETHIK.” Может быть, вообще Вы смогли бы найти какие-нибудь материалы по вопросам права и нравственности (между прочим, И. Ильин³⁵ специально работал над этим вопросом). В Витебске абсолютно ничего нет, и это страшно затрудняет работу. Ради Бога, Матвей Исаевич, разыщите что-нибудь и пришлите мне, случай легко найдется, кроме того, можно переслать и почтой. Буду Вам чрезвычайно благодарен.

И еще в одном отношении я попрошу Вашей помощи; на днях я набросаю сжатый конспект всей работы и пришлю его Вам, и Вы мне напишите подробно Ваши соображения по этому вопросу, мне это очень важно.

Простите, что пишу так мало, на днях напишу и пришлю конспект, а сейчас я еще лежу и писать очень неудобно. Леночка тоже пишет Вам письмо.

Валентин/ Николаевич/ и Ольга Мих. Вам кланяются.

*Целую Вас
Ваш М.Бахтин.*

Приписка рукой Е.А. Бахтиной:

“Дорогой Матвей Исаевич, Мини, кажется, все написал о себе, не знаю, что прибавить. Я счастлива, что он поправляется, хотя на полное выздоровление не рассчитываю в этом месяце. Мне стыдно теперь за мое отчаянное письмо и за то, что я Вас так расстроила им. Я не могу написать Вам — оправдаться, но если бы Вы были со мной и я рассказала бы Вам, Вы бы поняли меня и не осудили, я знаю. Напишите о том, как живется, что делаете. Посылаю Вам мое давно написанное, но не отосланное письмо.

Целую крепко

Е.Бахтина.

8

Дорогой Матвей Исаевич,

что это от Вас ни слуху, ни духу? Правда, я и сам хороши, но все же я Вам писал несколько раз, последний раз с Еленой Робертовной Ульрих, но ответа от Вас не имею. Вл. Ал. Всей/кшан?/, приехавший недавно из Москвы, рассказал, что Вы живы, здоровы, работаете в Академии/ Дух/овной/ Культ/уры/³⁶. Это письмо и отправляю с ним. Я совершенно здоров теперь и много работаю, материальная жизнь устроена недурно, прекрасно питаюсь, поправляюсь, много времени уделяю заработкам. Сейчас я пишу работу о Достоевском, которую надеюсь весьма скоро закончить³⁷; работу “Субъект нравственности и субъект права” пока отложил. Имею довольно подробные сведения о Льве Васильевиче; он прекрасно устроился в Петрограде, за урок имеет комнату и хороший стол, много работает, на днях должна выйти, вероятно, уже вышла из печати его работа о Ромэн Роллане и о Гоголе, причем все это он издает на чрезвычайно выгодных условиях, на каких именно — я в точности не знаю. Кроме того, он договорился уже об издании его лекций по натурфилософии в Берлине (на русск/ом/яз/ыке) с представителем Берлинского издат/ельства/ в России. Вообще, по сведениям, в Петрограде можно легко и даже выгодно издать книгу. В ближайшем будущем надеюсь иметь обо всем этом более точные сведения. Как обстоит дело с Вашими работами? Особых новостей у меня нет. О Борисе Михайловиче ничего точно неизвестно, где-то ездит и читает какие-то лекции.

Буду ждать от Вас письма. Напишите, голубчик, немедленно. Валентин/ Николаевич/ Вам кланяется. Елена Александровна сама Вам напишет. Пока всего хорошего.

Целую Вас Ваш М.Бахтин.

18.1.22 г.

Приписка рукой Е.А.Бахтина:

“Дорогой Матвей Исаевич, теперь уж я обижена на Вас за такое долгое молчание. Я написала Вам три раза и ни на одно письмо не получила ответа. Миша очень медленно, но поправляется. Жду письма. Всего самого лучшего. Е.Бахтина”.

III. ПИСЬМА Л.В. ПУМПЯНСКОГО М.И. КАГАНУ

1

23 марта 1923
10 ч. вечера

Дорогой Матвей Исаевич, честь имею просить Вас пожаловать ко мне в воскресенье в 3 ч. дня (ровно) для выслушания продолжения моей работы, посвященной анализу мировой войны. Кроме Вас, будут только Ив. Ив. Соллертинский и Ив. Ив. Канаев. Конечно, это вне всякой связи с тем, что мы делаем для Мих. Мих.³⁹, и объясняется тем, что я хочу до Вашего отъезда выслушать замечания, особенно Ваши, п/отому/ ч/то/ мне потом предстоит самое трудное: объяснить конец войны и Zusammenbruch Германии, и я хочу как можно лучше подготовить себя к этой труднейшей части выслушанием Ваших замечаний о методике, о первой части (прочитанной в среду) и о второй (еще не читанной). — Вторая часть излагает битву при Марне и, главное, позиционную войну на Западном Фронте⁴⁰. — Если Вы свободны и приедете, то не извещайте меня, и я буду Вас ждать. Если же Вы не можете быть, будьте добры как можно скорее зайдите ко мне до воскресенья, чтобы я успел известить " обоих Ив. Ив.", что чтение отменяется. Надеюсь, что второй случай останется не реализован и не выйдет за пределы чистой юмора.

Покажу Вам несколько новых книг, в том числе:

A.Berthelot, Kulturgeschichte Israels. Göttingen, 1919.

Elbogen, G.der Juden seit A.D.70 (Aus Natur und Geisteswelt. 1921).

M. Buber талантлив⁴¹.

Любящий Вас друг
Л. Пумпянский.

2

/1926/⁴²

Дорогой Матвей Исаевич, бесконечно много хотел бы Вам написать, но сегодня нехорошо себя чувствую и вышла вся бумага; извините, что пишу на клочке.— Я чрезвычайно заинтересован Вашими работами о Пушкине. Такой глубокий ум, как Ваш, на самый знакомый предмет всегда прольет новый свет.— Вы очень нам недостаете (извините галицизм) весь этот год — все эти годы, но в этом году в особенности, п/отому/ ч/то/ мы упорно занимаемся теологией. — Круг наших теснейших друзей тот же: М.В. Юдина, Мих. Мих. Бахтин, Мих. Изр. Тубянский и я. Поверьте, не раз восклицаем мы: как жаль, что нет М.И., он помог бы распутать этот вопрос!— около Рождества у нас был план пригласить Вас к нам гостить, мы хотели выслушать чтение Ваших новых работ, узнать Ваше мнение о теологических вопросах, занимающих нас; потом мы узнали, что Вы связаны службой и вдруг приехать без заблаговременного уговора не можете.— Ничего, наше от

нас не уйдет, великие споры иочные беседы нас ожидают. Оживим и воспоминания о чудных тех временах ("Милостивые Государыни, Милостивые Государи, дорогой Михаил Михайлович"), к/оторые/ очень любит вспоминать М/ария В/ениаминовна/. — В этом году совершенно ясно и точно установилось мое теологическое мировоззрение: православная Восточная Церковь. Особую роль сыграло изучение *Apologie des Christentums* Г. Шелля и убеждение в совершенной несостоятельности философии религии Канта и Г. Когена.— Но углубление собственных взглядов, как это всегда бывает, привело к серьезной осмысленной терпимости, основанной на уважении к мысли, к труду мысли, к личности носителей мысли. Полемика уступает критике. И здесь тоже Шелль великий учитель.⁴³

— Скоро приступлю к изучению Св. Фомы, но это, конечно, нелегко и быть может, окончится неудачей.

— Помните que vous nous manquez и любите нас
как любят Вас
Ваш верный Вам друг Ваш

Л. Пумянский.

Напишите мне. Если Вы не любите писать, то сообщите простой перечень написанных и задуманных Вами за московские годы работ.

Ленинград — Заротная 1 кв.38. Нат. Петр. Терновской

Л.В. Пумянскому.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЗАЯВЛЕНИЕ М.М. БАХТИНА В НАРКОМЗДРАВ⁴⁴

В Народный комиссариат здравоохранения

по делу о назначении врачебной
комиссии для освидетельствования
состояния здоровья М.М. Бахтина
в Ленинграде

ЗАЯВЛЕНИЕ

Я приговорен к 5 г. ссылки в Соловецкий концентрационный лагерь. С 16 лет я страдаю тяжелой хронической болезнью — множественным остеомиелитом, поразившим голень и бедро левой ноги, кисть правой руки и левый тазобедренный сустав. В течение последних 8 лет воспаление тазобедренного сустава обостряется по несколько раз в год, и всякий раз боль и высокая температура приковывают меня на полтора-два месяца к постели. 27 сего июня эта изнуряющая болезнь осложнилась паранефритом и 10 июля мне была сделана операция в больнице им. Урицкого, что однако не избавило меня ни от болезненных ощущений, ни от обширного инфильтрата в области левой тазовой кости. В настоящее время я нахожусь в больнице Эрисмана под наблюдением

врачей-специалистов. Мною подано заявление о пересмотре моего дела в соответствующие органы прокуратуры, копию которого при сем прилагаю.

Ввиду того, что при состоянии моего здоровья вынесенный мне приговор в случае оставления его в силе, безусловно явится для меня приговором к медленной и мучительной смерти, прошу Вас о назначении врачебной комиссии для освидетельствования состояния моего здоровья.

2.IX.29 г.
М. Бахтин

II. ИЗ ПИСЕМ М.И. КАГАНА К С.И. КАГАН

7.8.1936 г.

/.../ 5.8. вечером совсем неожиданно пришли к нам М.М. Бахтин и Е/лена/ А/лександровна/. На время отпуска они поехали сначала в Ленинград, а затем в Москву. Остановились у Залесского⁴⁵ в почти пустой квартире его (Залесские еще не перебрались сюда, перевезли пока что только часть вещей). Весь вчерашний день мы были вместе. Сначала я к ним пришел (часов в 12 — в час, после того, как отправил тебе деньги), а затем мы поехали к нам, предварительно позвонив на квартиру Марии Вениаминовны, чтобы ей передали, что Бахтины здесь и будут у меня. Часов в 6 вечера она заявилаась, и все вместе пробыли у нас часов до 10-ти. Условились встретиться с ними сегодня у Залесских часов в 6-7 вечера. М.В. я пытался побудить позаботиться отыскать знакомых, через которых М.М. можно было бы здесь получить работу. Сегодня будем об этом же говорить с Б.В. /Залесским — Ю.К./, чтобы он использовал все свои возможности. Речь идет о том, чтобы М.М. мог устроиться и осесть в Москве. (С квартирой может уладиться как-то и под Москвой, так что это дела не решает). Внешне М.М. выглядит не-плохо. Гораздо хуже выглядит Е.А. М.М. гораздо лучше, чем я ожидал во всех отношениях. Очень рад, что мы увиделись. Жаль, что тебя не было здесь. Через несколько дней они, вероятно, уедут. Однако, надо полагать, что они все-таки смогут сюда выбраться в ближайшем будущем. Я этого так сильно хотел бы! Возможно, это и удастся. Я очень хотел бы, чтобы М.М. оказался в Москве или близ Москвы. Хотел бы этого и для него, и для себя... Буду сейчас читать одну работу М.М.— "О слове в романе"⁴⁶. Он дал мне ее в рукописи. Судя по началу, в ней мысль, сходная с той, которую я высказывал когда-то в статье о Тургеневе. Ты ее, кажется, не знаешь. Статья эта напечатана⁴⁷. У меня эта мысль — замечание мимоходом, хотя она и важна, на ней построена небольшая статья. У М.М. все значительно, развернуто. Работа М.М. меня очень заинтересовала, я ее, вероятно, прочту за сегодня-завтра (рукопись около 150 стр.) Он ищет для нее издателя, хотя она потребует еще около месяца для некоторых поправок и доработки.

16 авг/уста/ 1936 г.

/.../ На работе был митинг по поводу привлечения к суду группы Зиновьева-Троцкого, по поводу того, что эта группа действовала как террористическая организация. Многое мне в таких делах непонятно. Но не об этом сейчас писать...

21.8.1936 г.

/.../ Здесь все и вся сейчас говорит о процессе троцкистов-зиновьевцев, все полно этим. Хорошо ли ты помнишь "Бесы" Достоевского и "На ножах" Лескова? Для характеристики недостает еще и хроник Шекспира. Можешь ли ты представить себе, сколь грандиозным был бы процесс, если бы принялись судить всех оппозиционеров, и больших и малых?! Ну ладно. Не в письме же об этом писать!

*Из письма дочери
М.И. Кагана, Ю.М. Каган. Без даты.
/Лето 1936/.*

/.../ Вчера Бахтины уехали опять в Кустанай. Елена Александровна очень жалеет, что не видала тебя, и посыпает тебе воздушный поцелуй. Мама, я ведь Михаила Михайловича видела только на карточке, но все же узнала его. А он говорит, что он видел меня, когда я еще не родилась.

4 июля 1937 г.

/.../ Хожу как в воду опущенный и все нехорошо на душе. Вот сейчас отправляюсь к Залесским (сейчас 7 ч.вечера). Борис Владимирович позвонил, что приехали Бахтины, а у меня на душе как-то тупо. Никуда не годится вся жизнь — ни как я ее веду, ни как она меня ведет! Не так надо жить. А как войти в то, как надо, — не вижу. — Во всяком случае, работу мою с зимы брошу, надо обязательно бросить и делать другое. Боюсь только, наберусь ли я душевной цельности для этого. Где мне цельность эту взять? Шутка, а без нее как быть, когда так трудно. Не знаю, право, не знаю.

9 июля 1937 г.

/.../ Сегодня с самого утра прицепилось в мыслях ко мне слово "прозябание", вот я с разных сторон и обсасываю его. Сложная это штука такая, и какое место занимает в жизни! Куда только оно ни проникает... Заканчиваю еще раз перечитывать переписку Пушкина. Охотно поделился бы впечатлениями. Какое ужасающее зависимое, рабское положение при полном сознавании этого и при полном непонимании этого со стороны. Вот бы написать кому-нибудь о прозябаю-

щем Пушкине! То-то, кажется, парадокс! А на деле так и есть.— По-немногу почитываю Гете. Давно его не читал. Очень даже хорошо для контраста. Но и там сталкиваешься с инерцией обиходного цинизма жизни. Не — полно об этом...

15 июля 1937 г.

/.../ Вчера был у Б/ориса/ В/ладимира/ча, у которого остановились Бахтины. Пришел часов в 8 и ушел в 12. Часов в 9 пришла и Мария Вениаминовна. Бахтины были весь последний год в "столице" Мордовской республики, в Саранске (около Пензы). Он там преподавал в педвузе литературу. Сейчас ему пришлось уйти, и он в состоянии поисков и работы, и города, где эта работа найдется. Намерен он поехать в Ленинград и там сориентироваться основательнее. Большая часть партийного состава преподавателей из педвуза там удалена. У М.М. тоже была передряга большая, но дело кончилось весьма благополучно для него: пострадали те, которые его травили безо всякого основания. Теперь он будет устраиваться на такой же работе, но в другом городе. За этот год М.М. и Е.А. немного похудели, он потерял почти все зубы, хотя питались они неплохо. Тем, что они уехали из Казахстана, они очень довольны. Примерно через час они придут ко мне. Настроение у них бодрое. Очень, конечно, сожалеют, что опять не увидятся с тобой. М. В-на сильно постарела и исповедует патриотизм и аполитичность как высшие принципы. Залесский с нею сильно спорит. Он куда серьезнее ее!

18.1.1937 г.

/.../ Когда я вернусь из отпуска, с этой работы уйду обязательно. Так как я ничего не знаю о том, как тебе сегодня и как мне будет завтра, то думаю только о былом. И, понятно, настроение скверное. Подчас совсем опускаются руки от бессмыслицы того, как прожиты многие-многие годы. И не в старости тут дело, а в другом, совсем в другом: нужен смысл, а его нет. Какая уж тут вера в себя!? Ну, Бог с этим! Давай надеяться, что станет лучше... Бахтины пробудут здесь еще дня 3-4, а затем едут в Ленинград и там попытаются устроиться. Вероятно, дело это им удастся, если не в самом Питере, то в другом каком-то городе, и, конечно, только по линии литературно-педагогической.— Третьего дня они были у нас, а вчера мы (я с Юдей⁴⁸) были у них (т.е. у Бориса Вл/адимира/ча).

11.8/1937/ час дня

/...— Думал, что письмо напишу несколько позже, но не вышло, т/ак/ к/ак/ задержался на работе, а вечером к нам пришли М.М. и Е.А. Просидели и проговорили у нас часов до 12 ночи. Говорили о его работе — почти подготовленной книге — и о моих старых и новых думах о Пушкине. Это вышло так, потому что в общих суждениях —

иногда решающих — мы независимо друг от друга исходим из довольно важных основных предпосылок и взглядов на природу художественной литературы. Беседа довольно долго, как видишь, длилась... Если захочешь, расскажу об этой беседе, как и о другой, бывшей два дня назад, когда ты приедешь. М.М. и Е.А. журят меня, почему я не пишу к Пушкинскому юбилею. А у меня руки не поднимаются... Так уж сложилось... Полагаю, что если бы М.М. был здесь, я бы давно уже имел эту работу позади себя и написанной, и напечатанной. Да Бог с этим. Пока ничего не хочу в этом направлении предпринимать. Авось когда-нибудь. В другое время. При другом душевном настроении и укладе /.../. Бахтины уезжают в Кустанай 14 авг/уста/. Там пробудут, вероятно, месяца два, а затем, может быть, переедут в Москву. Очень буду доволен, если это так выйдет. Пока наши отношения оказались не хуже, во всяком случае, чем были когда-то, лет 15 назад. Хотя и у них, и у меня за это время кое-что испытано. Они тебе очень сердечно кланяются и посылают привет.

11.8.1937 г.

/.../ Вчера с 9 до 12 у нас были Бахтины. Говорили о моей работе о Пушкине и о мыслях вокруг этого. В основном в его работе многое сошлось с тем, что думал я, а в некоторых вопросах ему придется после наших разговоров сделать кое-какую доработку довольно принципиального характера. Очень рад, что после 15 лет неведения друг о друге оказалось, что взятое раньше обоими нами направление в разных условиях, на разных материалах в дальнейшем дало много одинаковых новых принципиальных положений. Подробно расскажу тебе обо всем, когда будешь здесь. Они очень советуют мне обработать то, что я думаю о Пушкине, теперь, к юбилею. Не знаю, сколь могу быть для этого спокоен, не будет ли меня что-нибудь рвать от этого в другую сторону. Ведь, пожалуй, это, действительно, надо сделать. И снова: не знаю, хватит ли у меня для этого внутреннего спокойствия. Оно-то мне и нужно.

Скоро Бахтины уже должны быть. Мы уговорились сегодня часов в 7 вечера отправиться с Юдей в парк культуры и отдыха. Сейчас половина шестого. Вероятно, они скоро придут. В Кустанай они уезжают 14 августа на 2-3 месяца, затем приедут в Москву, чему я, конечно, очень рад. Если бы М.М. был здесь, он бы меня давно подогнал и побудил не только одну эту работу сделать. Впрочем, увидим еще: с их переездом есть еще много трудностей... Очень М.М. и Е.А. сожалеют, что тебя здесь нет теперь. Вот пришли Бахтины...

12 авг/уста/ 1937 г. 4 часа дня

/.../ Сначала предполагал сесть за работу о Пушкине, а потом решил продумать еще раз все. Вероятно, на днях все же возьмусь, а там посмотрим, что выйдет. Слишком большую инерцию надо преодолеть, а главное — без уверенности, что работа не останется в письменном столе: ведь кривить душой я не буду, подложивая свои мысли к чьим-

нибудь... Жаль, если так случится: ведь много, весьма много нового и любопытного можно сказать не только о Пушкине, но и о художественной литературе в целом, принципиально. Но ладно. Там увидим.

15 августа 1937 г.

/.../ Вчера в 11-12 ч. был у Бахтиных, т.к. не уверен был, что смогу быть у поезда (они уехали в 3 часа). С 12 до 2-х был у Губкина⁴⁹. Договорился с ним... о его подписи под одной статьей. На вокзал поехал от Кировской станции метро и через 10 минут встретил на платформе у вагона Бахтиных Марию Вениаминовну. Так как был дождь, то мы ушли минут за 10 до отхода поезда, чтобы не промокнуть насеквоздь. Полагаю, что Бахтины приедут сюда месяца через 2-3. Если нет, то они, вероятно, поедут в Алма-Ату. От Бахтиных тебе сердечный привет. Возможно, сегодня же возьмусь за работу о Пушкине — “Недоумения поэта”⁵⁰.

¹ О “школе Бахтина” см., напр.: А.А. Леонтьев. ПСИХОЛИНГВИСТИКА. Л., 1967; “Труды по знаковым системам”, вып. V, Тарту, 1971, с. 530.

² О Б.М. Зубакине (1894-1938) хотелось бы сказать особо. Это был талантливый поэт и скульптор. Кроме этого, он занимался еще и археологией. В Невеле был дружен с Бахтиным и Каганом, которые любили его стихи. В 70-е гг., вспоминая о Зубакине, Бахтин многие из них читал на память. Особенно близок, еще с гимназических лет, Зубакин был с Волошиновым. Ему он посвятил стихотворение ИМПРОВИЗАЦИЯ, опубликованное в единственном сборнике Зубакина МЕДВЕДЬ НА БУЛЬВАРЕ (М., 1929). В 20-е гг. Зубакин увлекся оккультизмом, был розенкрейцером. В начале 30-х его арестовали и сослали на Север. В 1936 тайно приезжал из ссылки в Ленинград на похороны Волошина. По возвращении вскоре был снова арестован и погиб в заключении.

³ Статьи Кагана см.: “Записки Орловского государственного университета”, вып. I, Орел, 1921; “Научные известия Академического центра Наркомпроса”, сб. 2, М., 1922. Написаны эти работы были в Невеле, за два-три года до того, как их удалось опубликовать.

⁴ Впервые была опубликована в Невеле в однодневном альманахе “День искусства” (1919, 13 сентября). Републикована Ю. Гельпериным в “Вопросах литературы” (1977, № 6), затем в сборнике Бахтина ЛИТЕТИКА СЛОВЕСНОГО ТВОРЧЕСТВА (М., 1979).

⁵ О М.И. Кагане как о друге М.М. Бахтина впервые упомянуто в комментариях к сборнику ЭСТЕТИКА СЛОВЕСНОГО ТВОРЧЕСТВА (с. 384). Здесь же приведены два небольших отрывка из публикуемых на-ми писем Бахтина. На близость идей Л.В. Пумпянского и М.М. Бахти-на впервые указал Г. Суперфин. См.: "Труды по знаковым системам", вып. V, с. 530.

⁶ Каган, например, вел кружок по изучению КРИТИКИ ЧИСТОГО РАЗУМА Канта. (Параллелью к нему будет неокантинский семинар Пумпянского 1919-20 гг. в Витебской консерватории). В невельской газете "Молот" (7.09.1919) сообщается об организации кружков "по изу-чению положительных наук, классической философии, духовной культуры Европы". Среди руководителей кружков — Бахтин и Каган. В той же газете вскоре сообщалось, что "намечен ряд лекций по вопро-сам литературы и искусства. Так, тов. Каган будет читать курс эстетики /.../, тов. Бахтин о постановке драмы и по истории литературы, тов. Зубакин о самовоспитании, художестве и художественной этике" (29.09.1919, № 144). 14 ноября газета сообщала о прочитанной Бахти-ным лекции ОБ ИСКУССТВЕ, а 22 декабря о том, что "открываются литературно-художественные курсы под руководством М.М. Бахтина. На курсы принимаются граждане обоего пола от 14 лет безусловно гра-мотные" ("Молот", 14.11 и 22.12.1919, №№ 162 и 178). Из публичных диспутов, в которых принимали участие члены кружка, сохранился подробный отчет только об одном — на тему "Бог и социализм", состо-явшемся 27.11.1918 в Народном доме им. Карла Маркса. Отчет этот столь колоритен, что хочется привести из него большую выдержку: "...Прежних защитников религии, как своего хорошего куска хлеба,— попов, ксендзов и раввинов на том интересном диспуте не оказалось ни одного... Но места их заняли недалеко ушедшие от них по идее, быть может, их сыновья или близкие родственники гр. Помпянский /так!— Ю.К./ и Бахтин. Первый из выступающих на диспуте говорил Пом-пянский, назвавший себя не социалистом, но христианином право-славным. Речь его была самого научного характера, так что половина слушающих не понимала это довольно хорошо сказанное слово. Пом-пянский, назвавший себя православным христианином, защищал эту религию, но чтобы он верил и признавал то, что защищал, этого из его слов не видно было. Будучи добрым человеком по природе, он призна-вал добре и полезное в делах коммунистов (в этом он был вполне от-кровенен), он соглашался со всем, но сам все же "в сторонке". Некото-рая часть его речи носила характер призыва к социалистам отдать большую часть своей работы делу науки. Вторым по порядку говорил товарищ Гурвич. Его речь имела несколько митинговый характер, но все же он, как убежденный ярый борец за социализм, очень ярко и на-глядно доказал, что религия есть выдуманная кучкой паразитов огра-да, чтобы удержать людей в темноте и тем самым наслаждаться. Третьим выступал Дейхман, который данными всесторонне доказал ненужность и вредность религии и разбил все религиозные предрассуд-ки. После товарища Дейхмана выступает товарищ Бахтин. Он в своей речи, защищающей этот намордник темноты религию, витал где-то в области поднебесья и выше. Живых примеров из жизни и истории че-ловечества в его речи не было. В известных местах своего слова он при-

зывал и ценил социализм, но только плакал и беспокоился о том, что этот самый социализм совсем не заботится об умерших (не служит панихиды, что ли?) и что, мол, со временем народ не простит этого.— Интересно, когда-то он “не простит”, через сто или больше лет?— Когда народ будет во сто раз просвещенней настоящего! — “Не случится этого”, — кто-то ответил Бахтину. В общем, слушая его слова, можно было подумать, что вот-вот подымется, воскреснет вся лежащая и истлевшая в гробах рать и сметет с лица земли всех коммунистов и проводимый ими социализм. Пятым выступал тов. Гутман. Он говорил очень долго и довольно осмысленно. Его речь была во многом ответом на поставленные вопросы предыдущим оратором Бахтиным. Смысл его речи, по-моему, был таков: при великих делах революции и социализма, религией, как глупыми делами духовенства, заниматься некогда. Мертвые не воскреснут и заботиться о них не нужно. ...Многим желающим не пришлось высказаться, так как было уже два часа ночи и диспут закрылся” (“Молот”, 3.12.1918, № 47).

⁷ Проблемами еврейской культуры Каган заинтересовался, еще когда учился в Марбурге у Г. Когена. Активнейший интерес к просвещению еврейского населения проявился у него в Невеле, где он преподавал в еврейских школах, был организатором одногодичных курсов для подготовки учителей еврейских школ. По поводу этих курсов в “Молоте” 17 декабря 1919 был помещен такой призыв Кагана: “Я обращаюсь к вам, еврейская молодежь, имеющая образование. Я обращаюсь к тем, которым близки судьбы культурного человечества,— вступайте в этот новый институт культуры!” Ясно, что речь здесь идет не об обособлении, а о приобщении евреев к европейской культуре. В 1918-23 гг. Каган был тесно связан с Еврейскими университетами Москвы и Петрограда, время от времени читал там курсы. К этим же годам относится его работа ЕВРЕЙСТВО В КРИЗИСЕ КУЛЬТУРЫ, многие мысли которой и сегодня не выглядят устаревшими. (См. “Минувшее.” Париж, 1988, № 6). Таким образом, работа его в Малаховской колонии не была случайностью. Вспоминая о ней, он писал жене в 1936: “Я понял тогда (я — еврей до мозга костей и ногтей), какое значение для человека, который ощутил это, имеет Богородица, Богоматерь, что означает монашество и братство как идея. Конечно, все это шло вместе с тем общим ходом мыслей, которыми я тогда жил. И объективного значения идеи, связанные с этим, для меня и сегодня не потеряли, не утратили силы; они заняли лишь свое определенное место в моих воззрениях. /.../ В связи с мыслями о монашестве и братстве я поехал на работу в Малаховку, в еврейскую колонию, куда мне не нужно было абсолютно ни с какой стороны схать. Ушел оттуда только потому, однако, что мне невмоготу было оставаться там после того, как я узнал, что одной из руководительниц сделали аборт... Я места себе не находил! Чтобы в месте, где растят детей, занимались ликвидацией жизни — у меня это в голове не укладывалось! Да и, конечно, какое там монашество, какая там свобода человека и людей от государственного и социально условленного начала! Ушел с тем большой легкостью, что материально в пребывании там я абсолютно не был заинтересован. Не помню даже, получал ли я там хоть раз за все время жалованье”.

⁸ Вице-президентом, душой и разумом этой Академии был замечательный русский философ Г.Г. Шпет (1878-1937), возглавлявший в ГАХН Философское отделение. В 1924-25 гг. при этом Отделении была создана Комиссия по изучению художественной терминологии. Еще в 1923 г. Г.Г. Шпет говорил о необходимости издания СЛОВАРЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ, объясняя, что последний раз подобные словари издавались в начале XIX в., между тем, как “часто один и тот же термин имел свою историю, значение его менялось, и в современных научных работах он имеет различные смыслы в зависимости от направления, школы или взгляда автора...” Заместителем председателя президиума Комиссии по художественной терминологии был выбран М.И. Каган. Он же входил в редколлегию подготавливающегося Словаря. Ему было поручено писать статьи о терминах “красота”, “материал”, “скульптура”; в соавторстве с Г.Г. Шпетом, А.А. Губером и Н.И. Жинкиным он должен был писать статьи ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ЭСТЕТИЧЕСКАЯ и др. Словарь издан не был. Нет такого словаря до сих пор.

⁹ В упоминаемом письме к жене в 1936 г. М.И. Каган писал об этом времени: “Провал моего исключительно внеэкономического отношения к действительности, который я истолковывал как отчаянный свой изъян и вину, заставил (или допустил) меня тогда с детской опрометчивостью броситься на первое попавшееся мне дело, показавшееся мне тогда (и долго после того) полезным. Ведь это скандал, что, когда я в 1924 г. шел в ВСНХ, я не знал даже, что он собой представляет и где находится! А ведь с 1918 по 1924 г. происходили огромные экономические и социальные события! Ясно, что я чувствовал тогда и за это свою вину. И я бросился с благодарностью, сломя голову, на работу, первую попавшуюся, которая вводила меня и социально, и экономически бытовым образом в общий строй жизни...”

¹⁰ Бахтин М.М. ЭСТЕТИКА СЛОВЕСНОГО ТВОРЧЕСТВА. М., 1979, с. 410.

¹¹ Автобиографические заметки не датированы. Предположительно, они относятся к 1924-25 гг. В семейном архиве сохранилось несколько официальных автобиографий для представления в учреждения, но они содержат лишь конкретные данные.

¹² Отец Кагана был мелким купцом-кожевенником. М.И. Каган был одним из шестерых детей.

¹³ Автобиография, представленная в ГАХН в 1924 г., позволяет уточнить некоторые даты: “В 1909 сдал экзамены при Петербургском учебном округе. С 1909 по 1911 — студент Лейпцигского университета, с летнего семестра 1912 по зимний 1913 — Берлинского, с 1913 по 1914 — Марбургского. Наряду с основными занятиями по философии я изучал математические, физические, экономические и др. науки. В 1914 закончил Марбургский университет с диссертацией “История проблемы трансцендентальной апперцепции от Декарта до Канта”. Интересно, что экзамен по латинскому языку при Петербургском учебном ок-

руге М.И. Каган сдавал экстерном своему любимому поэту Иннокентию Анненскому.

¹⁴ В автобиографии, представленной в ГАХН, указана дата публикации — 1915. В том же году по рекомендации П. Наторпа была издана также статья Кагана ZUR LOGIK DER ELEMENTAREN MATHEMATISCHEN RECHENOPERATIONEN в журн. "Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik". В семейном архиве сохранилась написанная М.И. Каганом маленькая статья на смерть П.Наторпа и перевод с немецкого языка книги П.Наторпа "Социальный идеализм".

¹⁵ В 1916-17 гг. в Германии Каган написал книгу VON GANG D.GESCHICHTE. Эта работа объемом ок.15 печ.листов утрачена. В семейном архиве имеется несколько тетрадей с русским текстом под названием "О ходе истории". Их готовит к изданию исследователь философского наследия М.М. Бахтина — В.С. Библер.

¹⁶ Кагану предложили в Киле заниматься изучением экономики России. Во время войны России с Германией он счел эту работу для себя невозможной. До возвращения в Россию с 1915 по 1917 он преподавал математику в лицее Richner, Wannsee.

¹⁷ Автобиография, по-видимому, писалась для Орловского ун-та, куда Бахтин надеялся устроиться на работу.

¹⁸ Бахтин страдал с 1921 года хроническим остеомиелитом, приведшим в 1938 к ампутации ноги.

¹⁹ Бахтин считал необходимым, чтобы эстетика словесного творчества основывалась на общей философской эстетике. Вполне вероятно, что предметом чевельских бесед была не только неокантианская этика, но и неокантианская эстетика, в частности, книги Г. Когена KANTS BEGRÜNDUNG DER ETHIK и KANTS BEGRÜNDUNG DER ÄESTETIK, в которых говорилось о самостоятельности эстетики, о необходимости обосновать сам факт искусства, определить род эстетического сознания (reines Gefühl — чистое чувство). Надежда на возобновление этих бесед объясняется, конечно, общностью интересов.

²⁰ Редемейстер (Рейдемейстер) Валериан Адольфович — историк культуры. В 1912-13 преподавал латинский и историю в гимназии в Петербурге. Затем занимался адвокатской деятельностью. В 1918-20 играл заметную роль в культурной жизни Витебска: был одним из организаторов, а затем членом правления и лектором Витебского пролетарского ун-та, заведовал Губнодотделом подготовки работников пропаганды, преподавал в Витебском ин-те народного образования. В 1920-21 читал курс истории культуры в Орловском ун-те, но связей с Витебском не прерывал. См., напр., указание в журнале "Искусство" № 1 (Витебск, март 1921), что Редемейстер закончил работу КУЛЬТУРА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ЕЕ ОТНОШЕНИИ К КАТОЛИЦИЗМУ. Судьба Редемейстера после 1921 нам неизвестна.

- ²¹ Кафедры истории русского языка в Орловском ун-те не было. Из лингвистических курсов там читали только "Введение в языкознание" (преп. А.Н. Имшенецкая). Историю русской литературы в Орле читал В.Ф. Переверзев, а историю русской культуры М.Я. Феноменов (см. Краткий отчет Орловского гос.ун-та. 1920-21 академический год.— Архив семьи Каган). Кстати, в Невеле в июне 1920 Бахтин прочел курс лекций по русскому языку для членов Союза работников просвещения и работников искусств ("Молот", 9.06.1920, № 63).
- ²² Конрад Николай Иосифович (1891-1970) — японист и синолог, с 1958 академик. В 1920-21 — ректор Орловского ун-та, читал там курс психологии народов. Чем был вызван конфликт между Каганом и Конрадом — неизвестно.
- ²³ Некоторые отзывы разногласий Кагана с современными ему русскими философами (из тех, чье мнение для него было важно) присутствуют во вступлении к статье КАК ВОЗМОЖНА ИСТОРИЯ. Оправдывая свой метод, он писал: "Тут дело именно в стремлении к терминологичности, а не в "засушивании интуиции", как выразился, хотя и доброжелательно И.А. Ильин. Здесь желание строго относиться к словам, а не упорство в навязывании своей терминологии без особых разъяснений, в чем меня заподозрил Г.Г. Шпет, и не "тоге geometrico", как отзывался о статье Вячеслав Иванов, руководило нами здесь. /.../ Строгость и терминологичность выражений никогда не введут в заблуждение интересующегося читателя" ("Записки Орловского государственного университета". Вып. I. Орел, 1921, с. 138). С И.А. Ильиным, В.И. Ивановым и Г.Г. Шпетом Каган познакомился, вероятно, в 1918-20 гг. во время своих поездок в Петроград и Москву. В архиве семьи Каган сохранилось письмо только одного из этих философов — Г.Г. Шпета, посвященное как раз упомянутой статье. Оно написано 20.02.1920 на бланке философского ежегодника "Мысль и слово", издававшегося тогда в Москве под редакцией Г.Г. Шпета: "Что касается лично моего мнения, то у меня принципиальное возражение вызывает прежде всего и после всего метод. Тут я расхожусь не столько с Вами лично, сколько со школой, к которой Вы принадлежите. На меня производят впечатление, что этот метод как будто нарочно создан для того, чтобы вызывать на спор и сомнения даже относительно тех положений, которые сами по себе бесспорны. В частности, главное, что вызывает неудовлетворение при чтении Вашей статьи — это ее крайний схематизм. В сущности Ваша статья — только программа будущего возможного исследования, и все зависит от того, как эта программа будет выполнена. Отдельные положения Ваши бесспорно интересны, но хочется получить обоснование их, и главное, главное — философский анализ понятий! Было бы хорошо, если бы Вы взяли какой-нибудь параграф Вашей статьи, раскрыли и развили его в статью, это было бы и интересно, и больше подошло бы для нашего журнала".
- ²⁴ Бахтин был родом из Орла. Речь идет о сохранившейся части семейного имущества.
- ²⁵ Поездка Бактина, по-видимому, не состоялась, т.к. сохранился документ, свидетельствующий о том, что 5.04.1921 Каган выехал в ко-

мандировку в Витебск. Переговоры об устройстве Бахтина в Орловский ун-т кончились безрезультатно.

²⁶ В журнале "Искусство" (Витебск, март 1921, №1) сообщалось: "М.М. Бахтин продолжает работать над книгой, посвященной проблемам нравственной философии". Видимо, в письме речь идет об этой работе.

²⁷ Мурзаев Всеивод Семенович — преподаватель истории искусств в Орловском ун-те. До революции редактировал педагогические журналы "Вестник семьи и школы", "Педагогическое образование", "Малюточка". В первые послереволюционные годы преподавал в провинциальных вузах. Автор многих брошюр по эстетическому воспитанию.

²⁸ Валентин Николаевич — В.Н. Волошинов (1894-1936). К осени 1921 относится единственное дошедшее до нас письмо Волошина к Кагану. К сожалению, сохранилась лишь часть его. Как видно из первых строк, в утраченной части текста шла речь о возможности переезда Волошина в Москву, т.е. о каком-то соединении участников невельского кружка: "...большая конкуренция при малом наличии подходящих мест? Буду тебе бесконечно благодарен за все сведения, которые ты пришлешь. На днях прочитал книжку "Оскальд Шпенглер и Закат Европы" со статьями Степуна, Франка и др. Статьи эти не произвели на меня впечатления особенно блестящих, но сама книга Шпенглера меня крайне заинтересовала. Читал ли ты ее в подлиннике? Если да, то мне крайне хотелось бы узнать твое мнение о ней. Посылаю тебе журнал "Искусство" с моей статьей о Бетховене и стихотворением памяти Блока. Думаю, что ты не откажешься указать мне на недостатки моих первых печатных работ. Предшествующий (№3) "Искусства" я не посыпаю, т.к. мне кажется, что помещенная там моя статья о Мусоргском менее интересна. Недели полторы тому назад получил от Бориса Михайловича письмо из Смоленска. Судя по письму — настроение бодрое. Стиль мыслей и образа жизни, конечно, тот же. Приложил он к письму стихи, недурные, но не из лучших. Боюсь, что он забрасывает поэзию. Вот было бы хорошо, если бы мы все — ты, Мих.Мих., Бор.Мих. и я — снова соединились в Москве, продолжая славную традицию Невеля: крепкий чай и разговоры до утра.

Прими мой самый сердечный дружеский привет
Преданный тебе В. Волошинов."

²⁹ Речь идет о свадьбе Бахтина с Еленой Александровной Окович (1901-1971), которая в течение полувека была его женой и ближайшим другом.

³⁰ В связи с закрытием Орловского ун-та было неясно, где будет жить Каган: останется ли он в Орле в педин-те или переседет в Москву.

³¹ Академический центр — созданный в 1921 орган Наркомпроса, ведавший наукой, музсами, архивами. В Акцентре Каган работал в 1921-22 гг. Проскт, о котором идет речь, — по-видимому, надежда на переход Бахтиных в Москву и на устройство М.М. на службу в Акцентр.

³² Планам Бахтина переехать в Москву суждено было осуществиться лишь в 1969, но квартиру в Москве (кооперативную) он получил только в 1971. До этого в течение двух лет Бахтины жили то в Доме творчества писателей, то в Доме престарелых в г. Климовске под Москвой. В Климовске умерла Е.А. Бахтина.

³³ Почти одновременно с этим письмом Бахтина Каган получил письмо от Е.А. Бахтиной (от 28.09.1921), тоже посвященное переселению в Москву: "Дорогой Матвей Исаевич! простите, ради Бога, что я не писала Вам, как-нибудь при встрече я расскажу, почему так вышло. Мы с Мишой так часто и так говорим о Вас. Если бы Вы знали! Правда, Матвей Исаевич. Миша, кажется, поправился немного за лето, но переезда в Москву я все-таки очень боюсь (Миша об этом серьезно подумывает). Правда, в Витебске нам пока тоже плохо: нет ни дров, ни комнаты даже (временно только живем у Алексеевских), но как-то здесь больше надежды на удовлетворительное существование. Если не пройдет Ваш проект, Матвей Исаевич, и не будет верных данных на наше устройство в Москве,— я не знаю, стоит ли Мише схать туда даже и ненадолго. Я очень боюсь за него: он далеко не здоров все-таки, а тут дорога со всеми осложнениями ее... Напишите, пожалуйста, обо всем подробно, дорогой Матвей Исаевич, и отговорите Мишу от временной поездки в Москву. Ждем письма. Пусть хранит Вас Бог! Любящая Вас Е.А. Бахтина. Р.С. Только что вернулись из Невеля".

³⁴ Эта работа, вероятно, не была завершена. Рукопись пока не разыскана. Конспект работы в архиве семьи Каган не сохранился.

³⁵ Ильин Иван Александрович (1882-1954) — русский философ. В 1922 был выслан за границу.

³⁶ В архиве Кагана сохранился документ, свидетельствующий о его участии в этом обществе: "Вольная Академия Духовной Культуры просит Вас пожаловать на устраиваемые сей в среду 22 марта /1922 г. — Ю.К./ в 8 ч/асов в/ечера/ (Мерзляковский пер. д.1, ауд/итория/ 6) XXXV СОБЕСЕДОВАНИЕ. Вступление "Трагедия и современность" сделает Ф.А. Степун. Собеседники: Ю.И. Айхенвальд, Б.П. Вышеславцев, М.И. Каган, С.Л. Франк, Г.И. Чулков". Кроме того, в неопубликованных пока воспоминаниях профессора-правоведа И.Д. Левина существует запись о выступлении М.И. Кагана на заседании в Академии Духовной Культуры 30 ноября 1921 г. по докладу С.Л. Франка "Критика историзма": "М.И. сказал: "Философию истории следует искать не у Гуссерля, а в Библии. Для историка Библия важнее Геродота".

³⁷ Книга Бахтина о Достоевском была подготовлена к печати в 1922 г. В прессе сообщалось о том, что она скоро выйдет (см."Жизнь искусства", Петроград, ноябрь 1922). Книга была опубликована лишь в 1929. Рукопись 1922 г. не сохранилась, поэтому неизвестно, как соотносится текст 1922 г. с текстом 1929 г.

³⁸ Речь идет о книге Пумпянского ДОСТОЕВСКИЙ И АНТИЧНОСТЬ (Пг., 1922). Другие названные здесь работы Пумпянского остались неопубликованными. Судьба рукописей нам неизвестна.

³⁹ О какой работе для Бахтина идет речь — неизвестно.

⁴⁰ Эта работа Пумпянского осталась неопубликованной.

⁴¹ Бубер Мартин (1878-1965) — религиозный философ, исследователь хасидизма; в 1923 опубликовал известнейший труд ICH UND DU, посвященный философии диалога. Эта книга оказалась оченьозвучной толкованию творчества Достоевского Бахтиным. Идея диалогичности разрабатывалась также и Г. Когеном.

⁴² Датируется по помете на обороте листа. Письмо из Ленинграда в Москву.

⁴³ Шелль Герман (1850-1906) — известный теолог.

⁴⁴ Черновик заявления Бахтина сохранился в архиве семьи Каган, потому что М.И. Каган и его жена С.И. Каган, вместе с Юдиной, принимали деятельное участие в хлопотах по облегчению участия Бахтина. Он был арестован по делу религиозно-философского кружка, которым руководил А.А. Мейер. Прямое отношение к публикуемому заявлению имеет письмо Е.А. Бахтины С.И. Каган от 24.Х.1929: "Милая Софья Исааковна! Надеюсь, что в последний раз обращаюсь к Вам с просьбой. Если у Вас есть хоть какая-нибудь возможность — сходите завтра, 25 (если никак не можете 25, тогда 26) на Кузнецкий мост и узнайте у них ответ. Скажите В/инаверу/, что я 21 в понедельник послала ему подробное письмо. Если они его потеряли, скажите ему, что я жду ответа на заявление, поданное Ек/атерине/ Павловне/ 5-7 сентября о перемене формы наказания по болезни, скажите, что в пересмотре дела давно отказано. Если у них есть ответ — спросите 1) когда и какого числа он ими получен, 2) на какое ходатайство. Эти два пункта — самое важное. Когда ими получен тот последний ответ, о котором Вы мне писали? Мы думаем, что это старый — на пересмотр дела. И еще, очень важно: удалось ли В/инаверу/ выяснить, найден ли акт медицинского обследования? Умоляю Вас известить меня спешным письмом. Если Вы пошлете его в пятницу к поезду — в субботу я получу его. Софья Исааковна, мне как можно скорее нужно все узнать. Надеюсь, в последний раз я так бессовестно беспокою Вас. Отвечайте как можно скорее. Пусть В/инавер/, кроме того, ответит мне официально с указанием, на какое ходатайство ответ и когда им получен. Умоляю, сделайте все это и отвечайте скорее. Мар/ия/ Вен/иаминовна/ будет в М/оскве/ 28. Пусть получит мои письма в Консер/ватории/. Если Вы ее увидите — передайте ей это. Е. "(На Кузнецком мосту располагался "Политический Красный Крест", которым руководила Е.П. Пешкова; М.Л. Винавер был ее ближайшим сотрудником.) Хлопоты по делу Бахтина увенчались некоторым успехом - Соловки были заменены ссылкой в Казахстан.

- ⁴⁵ Залесский Борис Владимирович — ученый-петрограф, близкий друг Бахтина, как и М.В. Юдина, много помогавший ему материально.
- ⁴⁶ Опубликована в книге Бахтина ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И ЭСТЕТИКИ (М., 1975) под названием СЛОВО В РОМАНЕ.
- ⁴⁷ Статья о Тургеневе, видимо, не была опубликована. Рукопись не сохранилась.
- ⁴⁸ Юдя — дочь М.И. Кагана — Каган Юдифь Матвеевна.
- ⁴⁹ Губкин Иван Михайлович (1871-1939) — геолог-нефтяник; академик с 1929; с 1936 — вице-президент АН СССР.
- ⁵⁰ Статья была опубликована в сборнике В МИРЕ ПУШКИНА (М., 1974) под названием О ПУШКИНСКИХ ПОЭМАХ. В книге С.Г. Бочарова ПОЭТИКА ПУШКИНА (М., 1974) эта статья названа НЕДОУМЕННЫЕ МОТИВЫ В ПОЭМАХ ПУШКИНА (с.15). М.М. Бахтин написал отзыв на эту работу для издательства:
- “Работа Матвея Исаевича Кагана посвящена анализу южных поэм Пушкина (“Кавказский пленник”, “Братья-разбойники”, “Бахчисарайский фонтан” и “Цыганы”). Анализ поэмдается с оригинальной точки зрения “трагического недоумения”, пронизывающего эти поэмы. Точка зрения эта, по нашему мнению, оказалась очень продуктивной: она помогла раскрыть такие смысловые стороны южных поэм, которые до сих пор не находили достаточно глубокого понимания в громадной литературе об этих поэмах; она позволила М.И. Кагану избежать обычных штампов в истолковании этих поэм, позволила избежать и тех слишком определенных решений (осуждений или утверждений), которые так часто навязывались Пушкину. М.И. Каган путем обоснованного анализа раскрывает во всех четырех поэмах ту “мудрость недоумения из-за обреченности любви и свободы, которой сама история не сознает, из-за которой в ней, в лучшем случае, недоумеваю”. Работа М.И. Кагана, литературоведчески вполне обоснованная, в то же время проникнута философским духом, который, к сожалению, так редко встречается в наших литературоведческих работах.
- Работа М.И. Кагана производит отрадное и какое-то освежающее впечатление. Считаю, что она безусловно заслуживает опубликования. М.Бахтин. 2.Х.73 г.”
- Работу свою М.И. Каган собирался продолжить. Бахтин в беседах со вдовой и дочерью Кагана вспоминал, что М.И. Каган рассказывал ему о своем понимании ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА, однако записей об этом в архиве семьи не сохранилось.